

УДК 808.03.111=161.1

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.2.5

А.Г. Минченков, А.Г. Минченков (мл.)

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Получена: 19.04.2016

Принята: 25.04.2016

Опубликована: 30.06.2016

К ПОНЯТИЮ РЕАЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В русле когнитивной семантики и когнитивно-эвристического подхода к переводу рассматривается понятие реалии. Исследование проведено на материале пьес А.Н. Островского и их переводов на английский язык, выполненных носителями языка перевода. На первом этапе проводится анализ традиционного подхода к реалиям и предлагаемых стратегий их перевода и обозначаются проблемы, связанные с традиционным подходом, а именно: отсутствие четких критериев отнесения единиц к классу реалий, игнорирование фактора когнитивного контекста и излишнее увлечение прагматическими добавлениями. На втором этапе в текстах пьес А.Н. Островского выделяются культурно-ориентированные единицы и методом интроспекции моделируется сначала процесс когнитивного поиска, а затем, с опорой на английские переводы пьес, процесс вербализации создаваемых выделенными единицами смыслов. Проведенный анализ выявил целый ряд интересных закономерностей. Многие единицы в когнитивном контексте утрачивают черты культурно-ориентированных, другие актуализируют в контексте новые смыслы. Переводчики явно ориентируются на представления, знания и ожидания среднего носителя языка перевода, а также на фактор естественности. Исследование показывает, что используемые в исходном тексте различные культурно-ориентированные единицы, во-первых, не являются особенно труднопереводимыми относительно других единиц, ни тем более непереводаемыми. Во-вторых, по закономерностям перевода они мало отличаются от многих других единиц, но зато могут отличаться друг от друга. Делается общий вывод об отсутствии оснований отнесения указанных единиц к одному отдельному классу с точки зрения их перевода и об условности термина «реалия» применительно к теории перевода.

Ключевые слова: реалия, культурно-ориентированная единица, естественность, когнитивный контекст, когнитивный поиск, метод интроспекции, когнитивно-эвристический подход.

A.G.Minchenkov, A.G.Minchenkov (Jr.)

Saint Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Received: 19.04.2016

Accepted: 25.04.2016

Published: 30.06.2016

THE CONCEPT OF REALIA IN MODERN TRANSLATION STUDIES

The article discusses the concept of realia within the framework of cognitive semantics and cognitive-heuristic approach to translation. The study is conducted on the basis of plays by A.N.Ostrovsky and their English translations made by native speakers of English. First, the paper explores the traditional approach to realia and the suggested strategies of their translation, and identifies problems stemming from the traditional approach. The latter include, among other things, the lack of strict criteria for identifying realia, ignoring the factor of the cognitive context and excessive use of pragmatic additions. At the second stage, we identify culture-specific units in the texts of the plays and, using the method of introspection, model first the process of cognitive search and then, on the basis of the English translations, the process of encoding the meanings of the ST units in the TT. The study has revealed a number of interesting regularities. Many of the culture-specific units lose their specificity in context, some others come to acquire new meanings. The translators apparently take into consideration the notions, knowledge and expectations of the TL audience, and the factor of naturalness. The study shows that first, far from being untranslatable, the various culture-specific units found in the ST are not especially hard to translate compared with other, non-culture-specific units. Second, in the way they are translated, they do not differ much from many other

units, but can differ from each other. The conclusion is made that there is not sufficient reason to assign the units in question to one single identifiable group in terms of their translation, and that the use of the term "realia" in translation studies is just a matter of convention.

Keywords: *realia, culture-specific unit, naturalness, cognitive context, cognitive search, introspection method, cognitive-heuristic approach.*

Понятие реалии используется в лингвистике и теории перевода уже более полувека, и за это время, с одной стороны, произошли большие изменения как в лингвистической, так и в переводоведческой науке, в частности, появились новые направления, а сами науки стали более междисциплинарными. С другой стороны, мир вступил в эпоху глобализации, когда наблюдается все возрастающее взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур, что неизбежно влечет за собой изменения в подходах к такому культурно-ориентированному классу слов, как реалии.

Цели данной статьи состоят в том, чтобы обсудить понятие реалии применительно к теории перевода с использованием последних достижений когнитивной лингвистики и когнитивного направления в переводоведении; показать, как лексические единицы, традиционно относимые к реалиям, могут интерпретироваться в конкретном когнитивном контексте и как проблема перевода этих единиц может решаться переводчиком с опорой на этот контекст.

Проведенное исследование идет в русле когнитивной семантики, предполагающей «выход за рамки собственно языкового значения и обращение ко всему объему знаний говорящего, знаний об окружающем мире, человеке, языке» [1, с. 119], а когнитивный контекст понимается как структура или структуры знаний, отражающие весь познавательный опыт человека и «лежащие в основе формирования и интерпретации языковых значений» [1, с. 119]. Исследование выполнено на материале переводов художественного текста – нескольких пьес А.Н. Островского и их переводов на английский язык, выполненных носителями языка перевода. Пьесы А.Н. Островского были выбраны в силу их явной ориентированности на русскую культуру, что в соответствии с нашей изначальной гипотезой должно было обусловить достаточно частое употребление в них единиц, которые можно было бы отнести к реалиям.

О реалии как культурологическом понятии в лингвистике и теории перевода впервые заговорили в начале 50-х годов прошлого века. Л.Н. Соболев определяет реалии как «...бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и на языках других стран» [2, с. 281]. Чаще всего в теории перевода понятие реалии связывают с именами С.И. Влахова и С.П. Флорина, по мнению которых это слова или словосочетания, называющие объекты, понятия и явления, характерные для жизни (географической среды, быта, культуры, исторического развития) одного народа и чуждые другому [3, с. 128]. В соответствии с последним определением традиционно выделяются четыре класса реалий: 1) географические и этнографические, 2) фольклорные и мифологические, 3) бытовые, 4) социально-исторические [4, с. 140].

Нужно отметить, что в русле лингвистической теории перевода уже достаточно давно разработаны определенные стратегии решения проблемы перевода реалий, к которым относят транскрипцию/транслитерацию, калькирование, использование существующего аналога, создание нового слова, описательный или приближенный перевод, а также генерализацию и конкретизацию [4, с. 140; 5, с. 159–162]. Иногда говорится также о необходимости прагматических добавлений для передачи национального колорита [6, с. 107–108]. При этом, однако, традиционно отмечается, что реалии, как правило, не имеют точных соответствий в других языках [3, с. 128] и в целом относятся к наиболее трудно переводимым единицам исходного текста [4, с. 139–140] или даже к безэквивалентной лексике [7, с. 68]. Проблема нередко видится в том, что, с одной стороны, переводчику необходимо стремиться сохранить местный колорит, который передают реалии, а, с другой стороны, не перегружать текст перевода новыми, часто абсолютно непонятными для носителей языка перевода лексическими единицами [4, с. 140], что особенно актуально для художественного текста. Применение калькирования, транскрипции и транслитерации ведет к появлению в тексте художественного произведения единиц, которые могут быть совсем незнакомы носителю языка перевода, использование аналога или генерализации/конкретизации нередко не позволяет сохранить местный колорит, а описательный перевод может утяжелять текст, лишая его динамизма, точности и выразительности.

В итоге складывается впечатление, что при традиционном подходе мы имеем дело с неким противоречием. С одной стороны, поскольку разработаны стратегии перевода реалий, которые переводчик может использовать в своей работе, то проблема их перевода должна быть решаемой путем применения одной из указанных стратегий. С другой стороны, утверждается, что перевод указанных единиц все равно остается во многом проблематичным, точных соответствий, как правило, нет, и, кроме того, отсутствуют критерии, которые определяли бы, какая из перечисленных стратегий могла бы быть оптимальной в той или иной ситуации реального перевода. Соответственно, можно говорить о том, что применительно к процессу перевода описанный подход отличается большой степенью абстрактности. Он констатирует наличие серьезной проблемы, дает определенный набор различных стратегий, позволяет определить, какая стратегия была использована, когда реалия уже переведена, причем нередко вне широкого контекста, однако из-за отсутствия четких критериев применения той или иной из упомянутых стратегий не дает возможности осознанно выбирать оптимальные переводческие решения в конкретной ситуации реального перевода.

Как нам представляется, указанная противоречивость традиционного подхода связана с тем, что понятие реалии, которое изначально должно относиться к сфере культурологии и культурологической лингвистики, где оно

может объединять конкретный класс слов, обозначающих культурно-специфичные сущности и явления и выявляемых при сравнении различных языков и культур, было механически перенесено в теорию перевода. Между тем перевод представляет собой речемыслительный процесс, он антропоцентричен и протекает в когнитивном контексте. Перевод как речемыслительный процесс не сводится к простому сопоставлению языков и культур.

Обозначим некоторые проблемы, проистекающие, как нам представляется, из традиционного перенесения культурно-сопоставительных принципов и подходов к реалиям на теорию перевода.

Выше уже отмечалось, что реалии, как правило, не имеют точных соответствий, трудно переводятся или вообще должны быть отнесены к безэквивалентной лексике. Применительно к конкретной реалии это суждение выносится обычно на основе того, что в языке перевода отсутствует единица, объем значения которой совпадал бы или был бы приблизительно равен объему значения реалии. Однако в конкретном контексте многие лексические единицы, в том числе и такие, которые можно причислить к реалиям, актуализируют смысл, который часто совсем не равен всему объему их значения. При вынесении суждений об отсутствии эквивалентности этот фактор регулярно не учитывается.

Тезис о важности сохранения национального колорита при передаче реалии очевидно предполагает, что этот национальный колорит мы должны стремиться сохранить на уровне слова, которое выбирается в качестве соответствия данной реалии. Между тем представление о национальном колорите – это разновидность смысла, а смысл при переводе не привязан к конкретному слову. Присущий языку потенциал смысловыражения [8, с. 127–129] предполагает, что при отсутствии слова, способного передать тот или иной смысл, он может передаваться словосочетанием, предложением или всем текстом.

При этом последнее вовсе не означает, что недостающий смысл должен быть выражен в ПТ в виде прагматического добавления или комментария, объясняющего реалию, как об этом пишут в работах по теории перевода. Считается, в частности, что при использовании транслитерации или калькирования «малознакомые или незнакомые реалии требуют включения в текст дополнительных поясняющих элементов [6, с.107]. Такого рода комментарии, на наш взгляд, часто лишь утяжеляют текст и, кроме того, иногда являются спорными с точки зрения трактовки конкретной реалии. Например, у нас вызывает вопросы рекомендуемый Е.В. Бреусом перевод реалии «опричнина Ивана Грозного» в виде ‘the oprichnina, special administrative elite under Tsar Ivan the Terrible’ (выделение наше. – А.М., А.М. (мл.)) [6, с.107]. Собранный нами материал показывает, что в художественном тексте переводчик может переводить единицу, относимую к реалиям, не прибегая к транслитерации – обычным словом ПЯ, не передающим исходный национальный колорит. При этом связанный с последним дополнительный смысл передается всем

текстом. Поясним свою мысль. Русское слово «земство» определяется в толковом словаре так: «В центральных губерниях России до 1917 г.: выборный орган местного самоуправления» [9, с. 363]. Переводчик переводит его как ‘district council’ [10, с. 22]. Создается впечатление, что важная часть смысла утрачена: английское словосочетание переводит только «выборный орган местного самоуправления». Однако, на наш взгляд, решение переводчика вполне оправданно. Работая в когнитивном контексте, он использует различные структуры знаний и справедливо полагает, что недостающий смысл, а именно то, что речь идет не просто об окружном выборном органе, а о таком, который находился в России до революции 1917 года, будет извлечен читателем перевода из всего предыдущего текста. Ведь читатель уже проинформирован о времени и месте действия, а транслитерированные варианты русских фамилий и другие средства, например топонимы, уже создали у читателя представление о российской действительности.

Наиболее серьезная, на наш взгляд, проблема, возникающая в связи с использованием понятия реалии в теории перевода – это критерии отнесения лексических единиц к классу реалий. Когда мы говорим о теории перевода, то критерием выделения определенного класса единиц здесь могут служить, например, некие общие закономерности или трудности перевода. Однако, во-первых, известно, что на данном этапе большое количество единиц, причисляемых к реалиям, например многие географические названия или исторические реалии, уже давно переведены на многие другие языки, и соответствующие варианты перевода уже вошли в полисистемы этих языков и закреплены в словарях. Можем ли мы говорить о том, что эти единицы по-прежнему остаются реалиями с точки зрения их перевода? Другими словами, возникают ли какие-либо сложности при их переводе? Наше исследование показывает, что лексические единицы, причисляемые к реалиям и объединяемые в один класс, вообще оказываются достаточно разнородными с точки зрения их перевода. Некоторые, как будет показано ниже, переводятся так, как будто вообще не являются реалиями, другие, по сути, утрачивают черты реалий уже в исходном тексте.

Во-вторых, среди ученых нет согласия относительно того, каким критериям должны отвечать единицы, относимые к реалиям. В лингвистической теории перевода, как уже было отмечено, понятие реалии может сливаться с понятием «безэквивалентная лексика», и сам список слов, относимых к реалиям, варьируется у разных авторов от чрезвычайно узкого до очень широкого [3, с. 37–41; 6, с. 107–112; 11, с. 186]. При отнесении лексических единиц к реалиям часто превалирует субъективный подход. Е.В. Брус, например, относит к реалиям русские существительные «рига», «ток» и «амбар», хотя тут же отмечает, что они имеют английские соответствия. В качестве основания приводится довод о том, что английские слова «едва ли

в полной мере знакомы широкому читателю» [6, с. 109]. Тот же автор считает русскими реалиями ряд так называемых «марксистских терминов», среди которых странным образом встречаются такие слова, как «закономерности», «кризис» и «крестьянство» [6, с. 110]. В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Можно ли говорить, что, например, слово «рига» знакомо широкому русскому читателю? А если нет, должны ли мы делать английский текст более понятным для английского читателя, чем русский понятен для русского? Русское крестьянство, особенно в марксистском понимании, вероятно, отличается от, например, английского, но ведь с точки зрения перевода, как мы уже отмечали выше, стоит задаться вопросами, должны ли мы передавать в переводе весь объем значения слова и актуализируется ли весь объем в конкретном контексте. Более того, при таком подходе класс реалий можно расширять до бесконечности, так как если брать как критерий возможность передачи всего объема значения слова при переводе, то точных соответствий, вероятно, найдется вообще очень мало. Возникает вопрос, в чем специфика перевода слов, относимых автором к реалиям по сравнению с другими словами, например такими, которые обозначают абстрактные понятия и выявляют полные или частичные лакуны в языке перевода.

В-третьих, представляется, что актуальность передачи реалии как реалии будет сильно зависеть от представлений переводчика об объеме знаний целевой аудитории перевода, которая, в свою очередь, во многом обусловлена видом или жанром текста. Переводим ли мы художественную литературу, публицистику, специальную литературу в определенной области знания или культурно-ориентированный текст, степень релевантности национального колорита или культурного компонента значения той или иной лексической единицы при переводе может меняться. С другой стороны, степень экзотичности транслитерированного или калькированного варианта перевода может меняться в зависимости от уровня образованности потребителя ПТ. Даже в рамках одного жанра – художественной литературы – могут встречаться разные произведения: некоторые рассчитаны на среднего носителя языка, а некоторые на интеллектуалов. В последнем случае объем знаний, в том числе знаний о других культурах и их понятиях, будет явно больше.

Таким образом, можно сделать вывод, что если вести речь о конкретном подлежащем переводу исходном тексте, то критерии отнесения тех или иных входящих в него лексических единиц к реалиям достаточно зыбки, субъективны и носят ситуативный характер. В этой ситуации все, что может сделать исследователь на первом этапе, так это, опираясь на свой собственный опыт и знания двух сопоставляемых языков и культур, выделить в тексте, который далее будет анализироваться как исходный, все культурно-ориентированные единицы, описывающие бытовые, исторические и географические сущности. Мы сознательно не называем пока эти единицы реалиями, поскольку для объе-

динения их в один класс в переводческом аспекте необходимо выявить у них некоторые общие черты, связанные с закономерностями перевода. Следует сказать, что даже на этом начальном этапе у нас возникли некоторые проблемы. Например, следует ли считать культурно-ориентированной единицей русское слово «душа»? С одной стороны, русское понятие о душе традиционно считается специфичным. С другой стороны, можно ли говорить, что у носителей английского языка нет понятия о душе, когда есть слово “soul”. Кроме того, всегда ли смысл, актуализируемый указанным русским словом в контексте, сохраняет культурные компоненты значения слова? Схожие проблемы возникли с такими обладающими чертами исторических реалий словами, как «барин» и «барыня», а также со словом «мужик».

Выделив в русском тексте культурно-ориентированные единицы, мы провели их анализ, а также анализ их переводов на английский язык в русле когнитивно-эвристического подхода к переводу [8], моделируя деятельность переводчика в когнитивном контексте методом интроспекции. Указанный подход предполагает, что в наиболее общем виде в процессе перевода можно выделить два основных этапа: этап формирования структуры смыслов на основе исходного текста и этап вербализации этих смыслов на языке перевода. Соответственно, сначала объектом исследования был процесс когнитивного поиска, в результате которого на основе выделенных единиц формируются смыслы, а затем – процесс вербализации смыслов с опорой на предложенные переводчиками англоязычные варианты. Наши задачи состояли, во-первых, в том, чтобы понять, есть ли какая-либо специфика на том или на другом этапе в самих проблемах перевода культурно-ориентированных единиц в сравнении с другими единицами и в способах решения этих проблем. Во-вторых, чтобы выделить какие-либо общие закономерности их перевода.

На первом этапе когнитивный контекст переводчика в нашем случае включает в себя следующие структуры знаний: знания значений единиц ИЯ, языковой картины мира ИЯ, фоновые знания исходной культуры, субъективные знания о мире, а также знание описываемой текстом ситуации. Тексты пьес А.Н. Островского оказались интересны, прежде всего, тем, что мы имеем дело с языком XIX века, и в случае с целым рядом культурно-ориентированных единиц когнитивный поиск требуется не только англоязычным переводчикам, но и современному русскому читателю. Речь идет, например, о таких единицах, как «отымалка» (тряпка, используемая в качестве прихватки), «палисада» (забор из тонких бревен), «картуз» (мужской головной убор с козырьком) и других. Исследование показывает при этом, что не менее интенсивный когнитивный поиск требуется также и при переводческом анализе других единиц, не являющихся культурно-ориентированными, например, слова «горе» в предложении «Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было» [12, с. 515], или глагола «гнушаться» в

«Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами» [12, с. 519]. Разница заключается в том, что задействуются разные структуры знаний. Причем в случае с культурно-ориентированными единицами недостаток необходимых знаний нередко относительно легко восполняется путем обращения к соответствующим источникам, например, толковому словарю русского языка [9] или специальному словарю к пьесам А.Н. Островского [13]. Другими словами, анализ показывает, что даже при отсутствии необходимых знаний значений целого ряда культурно-ориентированных единиц (верста, станица, грош, уезд, десятина, салазки, трактир, управа и других) или связанных с ними фоновых знаний когнитивный поиск может проходить достаточно быстро и без особых трудностей. Связано это, скорее всего, с тем, что указанные единицы описывают вполне конкретные сущности в области бытовой или социальной жизни, о которых даже носитель другого языка и культуры может без особых когнитивных усилий сформировать представление.

Проведенный анализ также выявил единицы, которые в тексте пьесы в составе конкретных словосочетаний утрачивают черты культурно-ориентированных, т.е. культурный компонент их значения становится нерелевантным. Рассмотрим следующий пример: «Мы коли любим, так уж любим; ... коли помогаем, так уж последним трудовым грошом» (1) [12, с. 562]. Лексическая единица «грош» обозначает медную монету достоинством в полкопейки [9, с. 230] и является культурно-ориентированной. Однако в данном контексте указанные признаки становятся нерелевантными. Если вместо слова «грош» употребить слово «копейка» или даже «рубль», это практически не отразится на общем смысле высказывания. То же самое наблюдается со словом «верста» в предложении «Признайтесь, и я убегу от Вас за тысячу верст» (2) [12, с. 554]. Сочетание «тысяча верст» очевидно звучит привычнее и естественнее для носителей русского языка, чем, скажем, «тысяча километров», но с точки зрения общего смысла культурный компонент слова «верста» нерелевантен. Еще один интересный пример показывает употребление культурно-ориентированной единицы в составе фразеологизированного сочетания «Набралось гостей со всех волостей» (3) [12, с. 669]. Словарь определяет «волость» как «низшую административно-территориальную единицу» в дореволюционной России [13, с. 33]. Очевидно, что во многих контекстах и для большинства пар языков данное слово будет являться полноценной культурно-ориентированной единицей, поскольку система территориального управления в Российской империи имела свои характерные особенности. Однако в указанном контексте оно актуализирует лишь смысл МЕСТО, который может быть без особых трудностей вербализован практически в любом другом языке.

Важно также рассмотреть случаи, когда смысл формирует лишь один компонент значения культурно-ориентированной единицы, причем иногда такой, который находится на периферии ее значения. Обратимся к примеру

«Да чего вы боитесь? Я ведь не Стенька Разин» (4) [12, с. 556]. Имя реального персонажа в истории России в данном контексте употребляется для обозначения типа человека, отражая представления о Степане Разине в дореволюционной России (особенно, вероятно, в помещичьей среде, к которой принадлежит герой), и становится, в сущности, синонимом слова «разбойник, грабящий богатых» (героиня боится, что он убьет ее, чтобы забрать деньги). Схожим образом слово «подьячий», имеющее вполне конкретное культурно-ориентированное значение: «В России с 16 в. до начала 18 в. писец и делопроизводитель приказной канцелярии» [9, с. 887], в предложении «Что мне за дело до документов, я не подьячий» (5) [12, с. 537] актуализирует смысл «мелкий канцелярский работник», вполне понятный носителю английского языка, утрачивая при этом культурный компонент значения.

Можно говорить о том, что в описанных выше случаях, когда единица утрачивает в когнитивном контексте свою культурную ориентированность, проблема ее перевода во многом решается уже на первом этапе, в том смысле, что в дальнейшем процесс перевода идет, как в случаях с обычными не культурно-ориентированными единицами. Соответственно, переводческие варианты, как правило, не носят черты экзотизмов и воспринимаются вполне естественно носителями языка перевода. В частности, пример (3) был переведен с сохранением рифмы как “We have many a guest, from east and west” [10, с. 203]. Перевод примера (4) выглядит как “It isn’t as if I am some bandit” [10, с. 105], а примера (5) как “I am no pen-pusher” [10, с. 68].

Анализ вариантов перевода культурно-ориентированных единиц показывает, что на втором этапе переводчики ориентируются, прежде всего, на ожидания и объем знаний среднего носителя языка перевода, в результате чего предлагаемые ими варианты отвечают критерию естественности. Важно отметить, что, как подтверждает толковый словарь английского языка [14], транслитерированные (иногда с частичной ассимиляцией) варианты перевода русских единиц на английский язык используются переводчиками только тогда, когда последние уже вошли в язык и укоренились в нем. В частности, в английском тексте мы находим слова *troika*, *kopeck*, *rouble*, названия этнических групп *Cossack*, *Circassian*, географические названия *the Volga*, *the Don*, *Kursk*, *Kazan* и многие другие. Интересно, что некоторые из указанных слов используются не только для передачи смысла непосредственно соответствующих им русских культурно-ориентированных единиц, но и других слов. Например, копеек оказывается вариантом перевода не только единицы «копейка», но и единиц «пятак медный» (*five kopecks*) [10, с. 89; 15, с. 87] и «грош» [10, с. 117; 15, с. 121], а слово *Cossack* в сочетании со словом *country* употребляется для перевода русского слова «станции» [10, с. 49].

Когда укоренившийся транслитерированный вариант перевода русской культурно-ориентированной единицы отсутствует в современном английском

языке или его невозможно употребить в определенном контексте, русская единица переводится естественно-звучащей и понятной среднему читателю английской единицей, не передающей исходный культурный компонент. Можно предположить, что переводчик, принимая решение в когнитивном контексте, исходит из того, что передача национального колорита в ущерб понятности и естественности нецелесообразна, тем более что, как мы уже отмечали выше, колорит передается текстом в целом, в том числе перечисленными в предыдущем абзаце транслитерированными вариантами.

При выборе английского варианта переводчики ориентируются на наиболее релевантный компонент контекстуального смысла, которым часто становится ядро смысла. Так, при передаче единиц, обозначающих меры длины или площади, – слов «верста» и «десятина» – используются английские названия мер: слова *mile* и *acre*, соответственно при том, что указанные русские и английские меры очевидно различаются численно. Схожим образом русское слово «уезд» переводится английским *district*, «земство» – английским *district council*, сочетание «кататься на салазках» в предложении «...ты с мальчишками на салазках каталась» [12, с. 520] передается как *go sledging* [10, с. 34], а слова «скоморох» и «поп» в поговорке «Скоморох попу не товарищ» [12, с. 532] переводятся английскими *clown* и *priest*, соответственно *Clowns and priests don't mix* [10, с. 58]. Иногда смысл, формируемый на основе культурно-ориентированной единицы, включает в себя ярко выраженный эмоционально-оценочный компонент, и переводчик при вербализации ориентируется на него. Так происходит, в частности, при передаче некоторых названий этнических групп населения, входивших в Российскую империю, которые, в отличие от других уже упомянутых групп, не имеют укоренившихся вариантов названия в английском языке. Например, при переводе предложений «Он ... по душе совершеннейший ... киргиз-кайсак» [12, с. 560] и «Я не мордва некрещеная» [12, с. 523] переводчик, очевидно, считает, что эмоционально-оценочная характеристика героя как обладающего или не обладающего чертами истинного христианина более релевантна в данном контексте, чем дифференциация по этническому признаку и, в условиях отсутствия укоренившихся названий данных национальностей в английском языке, принимают решение в пользу вербализации эмоционально-оценочного компонента смысла английским словом *heathen*: "...in his heart of hearts he's ... a heathen" [10, с. 113], "I'm not some unbaptized heathen" [10, с. 40]. Доказательством ориентации переводчика на контекстуальный смысл являются также довольно распространенные факты перевода одной и той же русской культурно-ориентированной единицы разными английскими единицами. Примером может послужить перевод русского словосочетания «хлеб-соль». Переводчик отказывается от использования малоизвестной для английского читателя кальки и ориентируется на когнитивный контекст. В результате в одном случае мы находим в английском тексте слово *hospitality*, в другом *kindness*, а в третьем *my board and*

lodging: (6) «...от хлеба, от соли не отказываются» [12, с. 539] – “...you can't refuse hospitality” [10, с. 72]; (7) «...(спасибо) За хлеб-соль» [12, с. 554] – “For all your kindness” [10, с. 102]; “For my board and lodging” [15, с. 103].

Подведем итоги. Проведенное нами исследование на материале русских художественных текстов и их переводов на английский язык показало, что используемые в исходном тексте различные культурно-ориентированные единицы, во-первых, не являются особенно труднопереводимыми относительно других единиц, ни тем более непереводаемыми. Во-вторых, по закономерностям перевода они мало отличаются от других единиц, но зато могут отличаться друг от друга. Есть единицы (копейка, рубль, Волга), которые переводятся без особых трудностей в силу того, что, как правило, употребляются в контексте в своем прототипическом значении, что позволяет переводчику быстро сформировать смысл, и имеют укоренившиеся в английской полисистеме варианты перевода. Другие единицы регулярно или при употреблении в конкретном контексте требуют интенсивного когнитивного поиска смысла или, когда смысл уже сформирован, поиска средства вербализации этого смысла. Можно говорить о том, что в случае с культурно-ориентированными единицами когнитивный поиск часто имеет определенную специфику, которая заключается в том, что переводчику необходимо в большей мере задействовать конкретные структуры знаний, а именно знания картины мира исходного языка и исходной культуры. А при поиске средств вербализации смысла переводчику часто необходимо применять знания картины мира языка перевода и ожиданий целевой аудитории. Однако степень интенсивности или сложности когнитивного поиска или поиска средства выражения в случае с культурно-ориентированными единицами не выше, чем при переводе многих других единиц, не являющихся культурно-ориентированными. Факторы, которые влияют на переводческие решения при переводе культурно-ориентированных единиц, как было показано, мало чем отличаются от тех, которые действуют при переводе вообще. К основным факторам мы относим ориентацию переводчика на контекстуальный смысл в противовес языковому значению и естественность звучания.

Таким образом, с точки зрения когнитивно-эвристического подхода к переводу и применительно, как минимум, к переводу художественных произведений мы не видим оснований причислять культурно-ориентированные единицы, обозначающие специфические предметы, понятия и явления жизни конкретного народа, к отдельному особому классу слов. Для этого необходимо иметь основания в виде четких критериев отнесения к классу или категориальным признакам. Они не были выявлены ни в рамках традиционного подхода, ни в процессе нашего исследования. Может показаться, что таким критерием является безэквивалентность. Действительно, как было показано выше, многие предложенные переводчиками варианты перевода явно не являются эквивалентами соответствующим русским единицам. Так, английское слово *mile*, без-

условно, не эквивалент слову «верста», а английское сочетание *east or west* не эквивалентно русскому «волость». Однако в русле когнитивно-эвристического подхода понятие «эквивалентность» считается некорректным, а вместо термина «эквивалент» применяется термин «вариант» [8, с. 160]. Последний подчеркивает, во-первых, ориентацию на смысл, а не языковое значение, и нормальность того, что какие-то или многие нерелевантные компоненты языкового значения единицы не передаются при переводе. Во-вторых, вариативный и контекстуальный характер выбираемого переводчиком средства вербализации смысла. В-третьих, факт того, что принимаемое переводчиком решение это, как правило, эвристический компромисс между желаемым и реально возможным в тексте перевода. В русле обозначенного подхода мы считаем, что эквивалентов не имеют не только так называемые реалии, но и подавляющее большинство других единиц.

Что касается собственно термина «реалия», его применение для обозначения описанных культурно-ориентированных единиц возможно лишь с оговорками. Он может быть условным синонимом термина «культурно-ориентированная единица» и употребляться для удобства, в целях краткости обозначения. В этом случае он будет подчеркивать лишь то, что отдельные единицы конкретного языка осуществляют референцию к уникальным сущностям, явлениям или понятиям культуры народа. Принципиальным является тот факт, что такие единицы выделяются относительно других культур (подобно тому, как это сделали мы в рамках своего исследования), а не относительно их перевода на какой-либо другой язык, поскольку, как было показано, они не имеют общих отличительных закономерностей перевода.

С другой стороны, термин «реалия», опять же безотносительно к переводу, может быть достаточно удобным для различения двух видов культурно-ориентированных единиц. Им можно обозначать единицы, называющие конкретные «реальности» жизни народа – географическую среду обитания, исторические факты и явления, факты и предметы быта, в противопоставление чисто абстрактным понятиям, связанным с рефлексией над материальным миром. В этом случае русские слова «злой» и «добрый», например, как и упоминавшееся выше слово «душа», отражающие специфичные представления носителей русской культуры о мире, реалиями бы не являлись, хотя в их значении есть довольно сильный культурно-ориентированный компонент, в результате чего они оказываются не менее, а иногда и более трудными для перевода, чем реалии.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2014. – № 6(335). – С. 118–122.
2. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1952.

3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980.
4. Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of Translation Studies. – Manchester: St Jerome Publishing, 1999.
5. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006.
6. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: Изд-во УРАО, 1998.
7. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973.
8. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода. – Saar-brucken: Lambert Academic Publishing, 2011.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Рипол-Норинт, 2008.
10. Ostrovsky A. Plays Two. – London: Oberon Books, 2003.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1999.
12. Островский А.Н. Сочинения. – М.: Книжная палата, 2001.
13. Словарь к пьесам А.Н.Островского / под ред. В.А.Филиппова. – М.: Веста, 1993.
14. Collins English Dictionary / ed. by M.Makins – Glasgow: Harper Collins Publishers, 1994.
15. Ostrovsky A. The Forest. – London: Faber&Faber, 1999.

References

1. Boldyrev N.N. Rol' kognitivnogo konteksta v interpretatsii mira i znaniia o mire [The role of the cognitive context in interpreting the world and knowledge of the world]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 6(335), pp. 118–122.
2. Sobolev L.N. Posobie po perevodu s russkogo iazyka na frantsuzskii [A manual on Russian–French translation]. Moscow: Izd-vo lit-ry na inostr. iaz., 1952.
3. Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode [The untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1980.
4. Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of Translation Studies. Manchester, St Jerome Publishing, 1999.
5. Ivanov A.O. Bezekvivalentnaia leksika [Non-equivalent lexis]. Saint-Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006.
6. Breus E.V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo iazyka na angliiskii [The theory and practice of Russian–English translation]. Moscow: Izd-vo URAO, 1998.
7. Shveitser A.D. Perevod i lingvistika [Translation and linguistics]. Moscow: Voenizdat Publ., 1973.
8. Minchenkov A.G. Kognitivno-evristicheskaia model' perevoda [Cognitive-heuristic model of translation]. Saar-brucken: Lambert Academic Publishing, 2011.
9. Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [The latest comprehensive dictionary of the Russian language]. Ed. by S.A. Kuznetsov. Saint-Petersburg, Rpol-Norint Publ., 2008.
10. Ostrovsky A. Plays Two. London, Oberon Books, 2003.

11. Reformatskii A.A. Vvedenie v iazykovedenie [Introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1999.
12. Ostrovskii A.N. Sochineniia [Plays]. Moscow: Knizhnaia palata Publ., 2001.
13. Slovar' k p'esam A.N.Ostrovskogo [Glossary to plays by A.N. Ostrovsky]. Ed. by V.A. Filippov. Moscow: Vesta Publ., 1993.
14. Collins English Dictionary. Ed. by M. Makins. Glasgow, Harper Collins Publishers, 1994.
15. Ostrovsky A. The Forest. London, Faber&Faber, 1999.

Сведения об авторах

МИНЧЕНКОВ Алексей Генриевич

e-mail: alexey.minchenkov@gmail.com

Доктор филологических наук, профессор с возложением обязанностей заведующего кафедрой иностранных языков для физического и химического факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

МИНЧЕНКОВ Александр Генриевич

e-mail: a.minchenkov@bk.ru

Старший лаборант службы обеспечения деятельности кафедр ректората, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

About the authors

Alexey G. MINCHENKOV

e-mail: alexey.minchenkov@gmail.com

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Students of Physics and Chemistry, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Alexander G. MINCHENKOV

e-mail: a.minchenkov@bk.ru

Senior Assistant, Support Service of the University Administration, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)